

Ли Яо обернулся. Всё то же лицо, те же серебряные пряди волос.

Увидев возвратившегося Цзинпина, он на мгновение замер от неожиданности, а затем его губы тронула на редкость мягкая, тёплая улыбка. Отложив в сторону бамбуковый шест и нож, он поспешил навстречу:

— А я думал, ты приедешь только через день-другой. Дядя Сунь как раз припас свежих побегов бамбука. В обед сам тебе их приготовлю.

Ли Яо никогда не пытался втиснуть себя в тесные рамки благородного мужа, а потому древнее изречение о том, что достойному мужу не место у кухонного очага, попросту игнорировал. В былые времена, когда здоровье ещё не подводило, он не отказывал себе в кулинарных удовольствиях. К тому же, считая себя слишком молодым, пылким и вспыльчивым, Ли Яо решил укрощать собственный нрав искусством управления огнём на кухне. Трудно сказать, насколько этот причудливый способ помог ему усмирить характер, но кулинарное мастерство он освоил на удивление быстро.

Когда он ещё служил при дворе, коллеги по службе, достаивавшиеся чести пообедать у него дома, искренне радовались, если хозяин лично брался за нож. Получить блюдо из рук самого канцлера считалось поводом для гордости и долгих хвастливых рассказов.

Со временем кашель стал одолевать его всё чаще. Ли Яо больше не мог подолгу находиться на сквозняке или дышать кухонным угаром, отчего и готовить стал редко. Лишь изредка, поддавшись мимолётному порыву, он баловал близких своим искусством.

Цзинпину посчастливилось несколько раз отведать его стряпню. Он до сих пор не мог взять в толк: почему самое простое овощное блюдо, приготовленное гранд-дядей-наставником, выходило таким сочным и нежным, тогда как у него самого неизменно отдавало дешёвым прогорклым маслом?

Пока они переговаривались, Ли Яо подошёл почти вплотную.

Два года разлуки не прошли бесследно: юноша, который при расставании едва доставал ему до плеча, теперь перерос его на целый вершок. Оказавшись так близко, Ли Яо поймал себя на том, что ему приходится слегка приподнимать голову, чтобы заглянуть собеседнику в лицо.

Цзинпин молчал.

Разница в их положении требовала соблюдения строгого этикета, однако гранд-дядя-наставник, при всей своей любви напускать на себя важность, терпеть не мог пустых церемоний. Он ещё давным-давно велел Цзинпину оставить эти занудные правила при себе. Обычный же поклон казался юноше слишком холодным и блёклым, неспособным выразить всю бурю чувств, бушевавшую в груди.

В его голове внезапно родилась безумная, дерзкая мысль: как же сильно ему хотелось обнять Ли Яо.

Цзинпин рано лишился близких. Он попросту не знал, принято ли так выражать радость после долгой разлуки, и не сочтёт ли наставник подобный порыв непозволительной дерзостью.

Поколебавшись, Цзинпин всё же подавил этот импульс. Сделав шаг назад, он склонился в вежливом поклоне:

— Здоров ли гранд-дядя-наставник? Все эти два года я не прекращал беспокоиться о вас.

Изящные, тонкие брови Ли Яо взлетели вверх. Он шутливо хлопнул юношу по плечу, под ладонью оказалась твердыня литых мышц. Улыбка на его лице стала ещё шире:

— Ты что, тайком таскал у крестьян чудодейственные удобрения? Ишь, каким крепким вымахал!

Цзинпин лишился дара речи.

Вся та щемящая нежность и тоска, что копились в душе долгие месяцы, мгновенно улетучились от этой нелепой шутки.

И всё же на душе стало тепло. Разве гранд-дядя-наставник не оставался всегда верен себе?

Вдоволь натешившись своим легкомыслием, Ли Яо принялся внимательно разглядывать Цзинпина.

Маску, похоже, отдавали лекарю или умелому ремесленнику на подгонку — она по-прежнему безупречно скрывала изуродованную кожу. Из его облика окончательно улетучилась детская мягкость. Черты лица заострились, налились мужественной силой, сделав юношу пугающе красивым, но вместе с тем холодным и замкнутым. От него веяло той отчуждённой суровостью, которая заставляет случайных прохожих держаться подальше.

Но для Ли Яо он чужаком не был.

Ли Яо протянул руку и ласково убрал запутавшиеся в волосах Цзинпина лепестки цветущей груши. Затем, не разрывая движения, он приобнял юношу за плечи и привлёк к себе, похлопав по спине.

— Мне приятно, что ты так пёкся обо мне, — негромко произнёс он. — Но зачем было скакать ночью? Это же опасно.

Цзинпин замер, уткнувшись лицом в чужое плечо. Неожданная радость от того, что его тайное желание исполнилось, лишила воли, и он робко поднял руки, обнимая наставника в ответ.

Знакомый, почти забытый за два года аромат внезапно окутал его с ног до головы, смешиваясь с прохладной утренней росой. Цзинпин скакал всю ночь, его одежда насквозь пропиталась ночным холодом, но объятия Ли Яо оказались удивительно тёплыми.

У юноши закружилась голова. Тонкий, едва уловимый запах благовоний, исходивший от ворота наставника, разжёл в нём безумный порыв. Ему захотелось зарыться носом в эти одежды, вдохнуть глубже, сжать объятия так крепко, чтобы стереть любую преграду между ними.

В то же мгновение по его телу пробежала странная дрожь. Тоска по дому не утихла от долгожданной встречи — напротив, это объятие пробудило в нём нечто гораздо более опасное. Внутри, пробивая все заслоны, вспыхнуло жаркое, хмельное вожделение, опалившее сердце.

Ему шёл двадцатый год. Он никогда не знал плотской страсти, хотя в казармах наслушался немало фривольных рассказов. Осознание собственной реакции повергло его в неописуемый ужас.

«Хэ Цзинпин, да что с тобой такое?!» — мысленно взвыл он, сгорая от стыда.

Ему показалось, что он совершает святотатство, за которое боги должны покарать его громом прямо на этом месте.

Испугавшись собственного безумия, Цзинпин судорожно вцепился пальцами в ткань халата на спине Ли Яо, а его тело мгновенно напряглось и вытянулось в струну.

Ли Яо растерялся — объятия юноши вдруг стали жёсткими, словно он прижимал к себе деревянную колоду. Он отстранился и принялся озадаченно разглядывать гостя. Однако на бесстрастном, словно высеченном из камня лице Цзинпина невозможно было ничего прочесть.

— Что стряслось? — удивлённо спросил он.

Цзинпин скорее согласился бы принять смерть, чем признаться в том, о чём только что думал.

В горле пересохло. Мысли путались, он никак не мог совладать со вспыхнувшим смятением, но сквозь пелену паники постепенно пробивалась кристальная ясность. Ещё у ворот он списывал волнение на робость возвращения в родные края. Но стоило представить на месте Ли Яо своего наставника Хуа Синьфэна, как становилось очевидно: никакого смущения он бы не испытал.

Значит, это была вовсе не робость перед родным домом, а робость перед конкретным человеком.

Ли Яо давно занял особое место в его душе. Где бы ни находился этот человек, там был единственный приют, ради которого Цзинпин был готов преодолеть любые преграды.

Дальше этой мысли его разум заходить отказывался, страшась коснуться потаённых глубин этого запретного чувства. Юноша судорожно сглотнул и поспешно перевёл тему:

— Учитель сильно занят в последнее время? Я собирался зайти к нему чуть позже. А где дядя Сунь и Гундань?

Ли Яо прекрасно понял, что парень пытается уйти от разговора, но на сей раз сжалился и обошёлся без едких подначек. Он уже собирался ответить, что у Хуа Синьфэна сейчас по горло забот с гарнизоном, как вдруг...

— Батюшки! Молодой господин вернулся! — из заднего двора донёсся звонкий голос дяди Суня, мгновенно развеявший неловкое молчание. — Ишь, запылится-то как с дороги! Живо побегу погрею воды для купания. Омоешься, переоденешься в чистое — и сразу за стол, завтракать!

Искренняя радость старого слуги была видна без лишних слов. Дядя Сунь ушёл хлопотать, на ходу причитая: «Надо же, как вымахал!» и «Слава богам, дома теперь, чать, больше не уедешь».

В следующий миг на пороге показался Гундань.

Пёс по обыкновению убегал на рассвете побегать по окрестностям натошак, после чего возвращался точнёхонько к раздаче похлёбки.

Едва завидев во дворе Цзинпина, мохнатый проказник с радостным лаем ринулся к нему. Молодой человек и без того был весь в дорожной пыли, так что прыжки лохматого приятеля ему не повредили. Вскоре они уже весело возились на траве, и в тихий дворик, пустовавший без хозяина два года, вернулось прежнее оживление.

Ли Яо примостился на скамье неподалёку, с теплотой наблюдая за их вознёй.

Но стоило утреннему ветерку налететь на усадьбу, как он снова негромко зашёлся сухим кашлем.

Этот кашель прозвучал для Цзинпина тревожным набатом.

Оставив собаку, он подошёл к наставнику, осторожно взял его за руку и прижал пальцы к запястью, нащупывая пульс. Спустя мгновение его лоб прорезала глубокая морщина.

— Неужели те лекарства, что я присылал, совсем не помогли? — встревоженно спросил он. — Пульс ничуть не выровнялся, даже наоборот... болезнь как будто укоренилась.

Состояние Ли Яо действительно внушало опасения.

Последние два года он часто страдал от давящей боли в груди и одышки, а пальцы на его правой руке и ноге то и дело леденели, лишаясь чувствительности. Он делился этим с Хуа Синьфэном, но тот лишь разводил руками — застарелый яд отравлял кровь, и пока не удастся определить его истинную природу, любое лечение оставалось бесполезным.

«Надо же, — удивлённо подумал Ли Яо. — Всего два года не виделись, а он уже так ловко распознаёт тончайшие изменения в теле».

Мягко высвободив запястье, он привычно отшутился:

— Зато от кашля брюшные мышцы крепнут.

Цзинпин лишь сокрушённо покачал головой.

Ли Яо улыбнулся и уже серьёзнее добавил, сиюсь успокоить воспитанника:

— Да ладно тебе, сейчас всё куда лучше. Помнится, раньше я при таком сквозняке и шагу на улицу сделать не мог. Лучше расскажи, где тебя носило всё это время?

Всю его Одиссею было невозможно пересказать в двух словах, да и мысли Цзинпина сейчас занимало совсем другое. Вместо ответа он вынул из-за пазухи небольшой сверток и принялся бережно разворачивать его слой за слоем. Внутри оказалась горсть сушёных соцветий на тонких стебельках.

— Что это такое? — поинтересовался Ли Яо.

Цзинпин поднёс сухие бутоны к самому его лицу:

— Чувствуешь аромат? Это цветки Куаньсан. Если заваривать их как чай или добавлять в кашу, они отлично смягчают лёгкие. Обязательно попробуй.

Ли Яо нахмурился:

— Так вот почему ты не приехал на праздник Начала Года? Потащился в глухие ущелья Тайбая в самый разгар метелей?

Цзинпин обычно не отличался щедростью на мимику, но рядом с Ли Яо он порой преображался, становясь обычным юношей с живым и лукавым взглядом. На этот раз он удивлённо захлопал ресницами.

«Надо же, гранд-дядя-наставник знает об этом растении», — промелькнуло у него в голове.

Впервые об этом средстве Цзинпин прочитал в старинном медицинском трактате. Там говорилось, что у подножия великой горы Тайбай круглый год бушуют лютые метели, однако тамошние жители не чета изнеженным обитателям Срединной равнины — хвори обходят их стороной. Помимо сурового климата, закалявшего тело, секрет крылся в невзрачной траве, которую горцы регулярно заваривали и добавляли в пищу. Называлась она Куаньсан. Считалось, что её отвар очищает лёгкие, разгоняет застоявшуюся кровь и дарует непобедимое здоровье.

Книги, доставшиеся Цзинпину от тётушки Хуа, не охватывали всю врачебную науку, поэтому его познания оставались довольно обрывочными. В тонкостях фармакопеи он разбирался слабо и о цветке Куаньсан никогда прежде не слышал. Но, будучи человеком дела, он не стал тратить время на расспросы и сразу отправился в путь, держа дорогу к заснеженным хребтам Тайбая.

На месте выяснилось, что такой цветок действительно существует. Вот только рос он лишь в самых труднодоступных местах, вбирая в себя холод вечных ледников. Целебной силой обладали лишь те бутоны, которые пробивались сквозь наст на отвесных ледяных кручах посреди зимы. Свойства дикорастущего Куаньсана в сотни раз превосходили жалкие окультуренные виды. Чтобы добыть такое сокровище, требовалось подняться в горы ещё до первых заморозков, переждать там затяжную зиму в отрезанных лавинами пещерах и успеть собрать урожай в самые первые дни оттепели. Стоило промедлить — и талые воды губили хрупкие стебли за пару суток.

Цзинпин не задумываясь шагнул навстречу опасности. Первые пару недель он жил отшельником в ледяной пещере, согреваясь лишь у костра, пока во время одной из вылазок случайно не набрёл на хижину старого искателя женьшеня. Тот сжалился над безрассудным юношей и приютил его до самой весны.

О своих злоключениях Цзинпин рассказывал небрежно, словно о весёлом приключении. Он долго расписывал, как они с дедом коротали морозные вечера за разговорами, как вместе ходили на охоту и копали съедобные корни, но ни единым словом не обмолвился о том, как едва не сорвался в пропасть, соскользнув с обледенелого уступа ради одного-единственного бутона.

Ли Яо прекрасно видел, что юноша умалчивает об опасностях. В груди поднялась тёплая волна признательности, но её тут же заглушила внезапная горечь: человек, которому он доверял всем сердцем, продолжал держать оборону. Даже этот мальчишка скрывал от него правду.

Спустя пять лет Ли Яо тешил себя иллюзией, будто былые раны затянулись, а призраки прошлого канули в небытие. Оказалось, он глубоко заблуждался. Подлые интриги покойного

императора по-прежнему оставались для него незаживающей раной — стоило коснуться её, и душу вновь затапливала тёмная, удушливая обида.

Заметив безмолвие наставника, Цзинпин негромко добавил:

— Я не успел как следует подготовиться, поэтому привёз совсем немного. Но на один сезон должно хватить. Если почувствуешь облегчение, в следующем году я добуду больше.

Ли Яо резко поднялся со скамьи.

— Не нужно, — оборвал он его, глубоко вздохнув. — Тебе не стоит так рисковать. Там, в горах, лютый холод и смертельная опасность. Больше туда не ходи.

Цзинпин нахмурился, в упор глядя на собеседника.

— Почему? — настаивал он. — Почему вы так говорите? Чем вы больны на самом деле? Моих скромных знаний не хватает, чтобы распознать недуг, но неужели учитель тоже бессилён? Стоит мне заговорить о вашей болезни, как вы оба тут же уводите разговор в сторону. И почему мне кажется... будто вы сами не хотите лечиться?

— Оно того не стоит, — отрезал Ли Яо, не дав ему договорить.

Они замерли, молча меряясь взглядами.

Поняв, что сорвался и наговорил лишнего, Ли Яо смягчил тон и легонько сжал плечо юноши:

— Живи своей жизнью, Цзинпин. Делай то, к чему лежит душа, и не трать драгоценное время на мой кашель.

С этими словами он резко развернулся и ушёл в дом.

Цзинпин остался один посреди пустого двора. Провожая взглядом скрывшуюся за дверью фигуру наставника, он почувствовал, как к горлу подступает горький ком.

«Почему он говорит, что оно того не стоит? — растерянно подумал юноша. — Ведь облегчить твои страдания — это и есть то единственное, чего я желаю всем сердцем».

Заперев за собой дверь, Ли Яо прислонился к косяку. На душе было скверно. Он принялся мерить комнату шагами, осыпая себя мысленными упрёками.

«Ну и дурак же ты, Ли Яо! — ругал он себя. — Мальчишка едва с дороги, рисковал жизнью

ради этих несчастных цветов, а ты на него напустился! Тоже мне, наставник... С годами ума не прибавилось, только злиться горазд. Если ты такой храбрец, поезжай в столицу, найди Чжао Шэна да выскажи в лицо императору всё, что думаешь о его семейке, которая использовала тебя и выбросила за ненадобностью! Перешли брод и сожгли мосты, забили верного осла после помолы... Тьфу ты, я же не осёл».

Он поскрёб затылок и вздохнул. В конце концов, им двигала лишь забота: меньше всего на свете ему хотелось, чтобы этот преданный юноша оказался втянут в грязные придворные интриги. Если Цзинпин узнает истинную причину его недуга, неизвестно, какие безумства он сотворит. Этот упрямец с детства привык копить обиды молча и действовать в одиночку. С теми, у кого всё на лице написано, хлопот куда меньше.

Разругав себя в пух и прах, Ли Яо совсем пал духом. Он обессиленно повалился на кровать и какое-то время лежал, глядя в потолок, но щемящее чувство вины так и не прошло.

«Неужто он обиделся? — затревожился он. — Ну нет, на повинную голову и топор не поднимается. Пойду извинюсь, приготовлю обед побогаче, задобрю бедолагу — глядишь, и забудется».

Приняв решение, он поднялся, разгладил складки на халате, поправил растрепавшиеся волосы и распахнул дверь.

Цзинпин стоял прямо на пороге, занеся руку для стука.

<http://bllate.org/book/18368/1760222>